

ОТДѢЛЪ I.

Старообрядцы на Вѣткѣ.

(Этнографическій очеркъ ¹⁾).

Бѣгство старообрядцевъ за польскій рубежъ и основаніе Вѣтки на рѣкѣ Сожѣ.

Послѣ 1685 г. русскіе люди, привязанные въ старинѣ, не мирившіеся съ новыми началами, мощно вторгнувшимися въ русскую жизнь, какъ извѣстно, разсыпаются во всѣ стороны, ища спасенія для души и успокоенія отъ административныхъ репрессій,—„пустыня была всѣмъ прибѣжище“, какъ поется въ одномъ „раскольничьемъ“ стихѣ,—оставляемъ храмы причудно созданы, златомъ и серебромъ богато убраны“...²⁾

Въ это время часть старообрядцевъ изъ московскихъ предѣловъ перебралась сначала въ Стародубье, а потомъ за польскій рубежъ въ нынѣшнюю Могилевскую губернію, облюбовала тамъ удобное мѣсто на берегу р. Сожи, вблизи мѣстечка Хальчь, и основала посадъ Вѣтку.

Въ этомъ мѣстѣ отъ р. Сожи отдѣляется рукавъ (вѣтва) и образуетъ небольшой островокъ, версты въ двѣ длины и нѣсколько сажень ширины; быть можетъ, это обстоятельство послужило поводомъ для названія посада „Вѣтвой“.

По другимъ вариантамъ новый посадъ названъ такъ въ ознаменованіе возникновенія новой *оттви* старообрядческой церкви. Лично намъ пришлось слышать отъ одной вѣтвовской

¹⁾ Лѣтомъ 1907 г. мнѣ случилось прожить нѣкоторое время среди старообрядцевъ въ м. Вѣткѣ (Могилевск. губ.). Поѣздка къ нимъ совершена по инициативѣ и указаніямъ хранителя Этнографическаго Отдѣла Р. М. И. А. Ш Н. М. Могиланскаго, которому считаю долгомъ выразить искреннюю признательность.

²⁾ См. въ „Приложеніи“ стихъ: „По грѣхамъ нашимъ на нашу страну“.

старухи такое преданіе: сидѣли разъ лѣтомъ старикъ, первые вѣтковскіе насельники, и думали-гадали, какъ назвать свой новый посадъ; въ это время пролеталъ рой пчелъ; покружился онъ и сѣлъ на вѣтку „Пусть будетъ нашъ посадъ названъ Вѣтвой“,—рѣшили старцы.

Въ любопытной книжкѣ протоіерея Андрея Іоаннова (Журавлева), бывшаго сперва старообрядцемъ, потомъ православнымъ священникомъ на Охтѣ въ Петербургѣ и миссіонеромъ въ Вѣткѣ, изданной въ концѣ царствованія Екатерины II ¹⁾, находимъ слѣдующія интересныя подробности о Вѣткѣ.

„Вѣтку мы видимъ прелестницею суевѣровъ. Сѣть ея заблужденія привлекла изъ Россіи великое число всякаго званія бѣглецовъ“ ²⁾.

„Она (Вѣтка) въ теченіе сего времени такъ сильно возросла и умножилась, что сдѣлалась главою всея поповщины, хотя и неодновратно упадала. Прелести ея отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Вышеописанные бѣглецы, попы и другіе волокиты, монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду, и простой народъ вездѣ развращали и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась. И сіе злоупотребленіе такъ сильно въ поповщинѣ вкоренилось, что и по нынѣ простые монахи, монахини и старухи причащаютъ тѣмъ сами себя и другихъ“ ³⁾.

Въ главѣ: „о распространеніи Вѣтки“ читаемъ: „Вѣтка есть небольшой островъ простирающійся въ окружность (?) не болѣе, какъ версты на двѣ. Находится за границею Россіи въ польской области въ дачахъ польскаго дворянина или пана Халецкаго, названъ же Вѣткою по проливу, отдѣляющему оной отъ рѣки Сожи, который проливъ есть аки бы вѣтвь оной рѣки. Здѣсь то основалась первая оная покровская цер-

¹⁾ См. „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ, и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сочествія Св. Духа, что на Большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ“. Изд. II, исправленное и умножено прибавленіями. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1795 г.

²⁾ Стр. 8.

³⁾ Стр. 16.

ковъ... при которой находится скитъ и слобода, населенная подъ именемъ Вѣтки, всякою забѣглою сволочью“... ¹⁾).

О дальнѣйшемъ ростѣ Вѣтки протоіерей Іоанновъ, враждебно настроенный къ старообрядчеству, изъ среды котораго самъ вышелъ, пишетъ:

„Изувѣры наши... собравшись въ немаломъ числѣ убѣжали за границу, и поселились на помянутомъ островѣ Вѣтѣ, аки на мѣстѣ свободномъ и безопасномъ, сущемъ подъ рукою польскихъ пановъ. Сему послѣдуя примѣру, русскіе невѣжды изъ всѣхъ градовъ и селеній, гдѣ только ни дѣйствовало оное ослѣпленіе, кучами побѣжали за границу и за невмѣщеніемъ Вѣтки въ двадцати и тридцати въ окружности верстахъ населили слободы, изъ которыхъ (выключая самую Вѣтку): слобода Косецкая, Дубовый, Папсуевка, Марына, Милчи, Красная, Кастюковичи, Буда, Крупецъ, Гродня, Нивка, Грабовка, Тарасовка, Спасовка, въ которыхъ слободахъ по вѣтковскимъ запискамъ считалось народу до 30 тысячъ обоюго полу. Всѣ сіи забѣглыя селенія совокупно единымъ именемъ назывались Вѣткою“ ²⁾).

Цитируемый нами авторъ даетъ такую характеристику тогдашнимъ вѣтковскимъ старообрядцамъ:

„Народъ сей отъ природы наслѣдственно (?) суевѣренъ, грубъ, гордъ, предприимчивъ и обманчивъ, но поворотливъ, въ дѣламъ способенъ, трудолюбивъ и обходителенъ, словомъ таковъ, который удобно просвѣтитися можетъ“ ³⁾).

Во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, слобожане старообрядцы изъ Стародубья и, вѣроятно, изъ Вѣтки принимали участіе въ партизанскихъ выступленіяхъ противъ шведовъ.

„Государь тогда же,—разсказываетъ А. Іоанновъ,—повелѣлъ раскольничьи слободы полковнику Іоргольскому переписать и имянною грамотою... собственно за собою утвердить съ тѣмъ, чтобъ впредь оними никто не могъ владѣть. Сія первая перепись тѣмъ щастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются“ ⁴⁾).

¹⁾ Ibid.

Въ настоящее время островокъ этотъ, образуемый рукавомъ Сожи, представляетъ собою незастроенное мѣсто, лугъ, дающій нынѣшнему владѣльцу Вѣтки, владѣющему ею на правахъ чинша, нѣкому жандармскому полковнику, довольно значительный доходъ.

²⁾ Ibid.

³⁾ Стр. 20.

⁴⁾ Ibid.

Очевидно, Вѣтка не вошла въ составъ переписанныхъ и утвержденныхъ за царемъ слободъ, такъ какъ ею владѣли и сейчасъ владѣютъ на правахъ „чинша“ разные лица.

Во времени царствованія Анны Иоанновны Вѣтка достигаетъ цвѣтущаго состоянія. Русское правительство обратило вниманіе на Вѣтку, и въ 1733 году былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось вѣтковцамъ вернуться въ Россію, но, какъ рассказываетъ протоіерей Іоанновъ, — „испорченные вѣтковцы, которые по большей части были господскіе и военные люди... ниже думать о томъ хотѣли... Почему въ 1735 году господину полковнику Я. Г. Сытину такое было дано повелѣніе, чтобы взявъ пристойную команду оныхъ бѣглецовъ подъ стражею вывести въ отечество и разослать кто откуда былъ, по своимъ мѣстамъ. Сытинъ взялъ съ собою пять полковыхъ войска, одинъ драгунской, два казацкихъ, и два тысящные Стародубовской и Черниговской, съ которыми подошелъ искусно, окружилъ вѣтковцевъ отовсюду. Гдѣ по общему поповщины свидѣтельству и по ветхимъ стариковъ запискамъ, во всѣхъ мѣстахъ и ущелинахъ нашелъ онъ обоего пола народа до 40 тысячъ душъ. Обозрѣвъ же всей забѣглою сволочи сей жилища, слободы, свиты, монастыри и разсыпанные по всѣмъ мѣстамъ келія, приступилъ онъ къ порученному себѣ дѣлу. Но какъ ни торопился окончить оное скорѣе, однако цѣлой годъ на Вѣткѣ пробылъ ¹⁾).

При этомъ, полковникъ Сытинъ приказалъ вырыть гробы четырехъ покойниковъ: Іосафа, Θεодосія съ братомъ Александромъ и Антонія, пользовавшихся большимъ почтеніемъ у старообрядцевъ. Сжегши въ заключеніе своихъ подвиговъ монастырскія строенія, полковникъ Сытинъ двинулся обратно въ Россію, захвативъ вырытые четыре гроба съ костями. Не доѣзжая Новгородъ-Сѣверска по рѣчкѣ Колоскѣ, онъ получилъ повелѣніе сжечь ихъ.

Лѣтъ черезъ пять Вѣтка снова возродилась и возвратила себѣ прежнее значеніе.

Въ жизни Вѣтковцевъ, между прочимъ, произошелъ такой эпизодъ: панъ Халецкій, владѣлецъ Вѣтки, поссорился съ виаземъ Радзивилломъ о границѣ своихъ земель. И вотъ Радзивиллъ, выставилъ своихъ крестьянъ, а Халецкій вѣтковцевъ. „Черницы вступили за своего помѣщика, здѣлали страшной

¹⁾ Стр. 43.

бой и окончили оной ужаснымъ пролитіемъ польской крови, чѣмъ Халецкому прежнюю дачу и безопасность доставили“ ¹⁾).

Въ царствованіе Екаторины II произошла вторая „выгонка“ вѣтковцевъ.

„Въ 1764 году генераль Масловъ съ двумя полками военными забралъ гдѣ можно было всякаго званія російскихъ бѣглецовъ и подобно Сытину окружилъ Вѣтку, нашелъ кривотолковъ нашихъ тамо обоего пола до двадцати тысячъ душъ“. Генераль Масловъ расправился съ вѣтковцами еще болѣе жестоко, чѣмъ его предшественникъ, онъ пробылъ на Вѣткѣ всего два мѣсяца и „минуя подробное о бродягахъ сихъ слѣдствіе отправлена была она (Вѣтка) вся на поселеніе въ Сибирь, и Вѣтка отъ вторичнаго паденія сего совершенно потеряла силу свою“ ²⁾. Объ этихъ событіяхъ сохранились лишь самыя смутныя преданія въ Вѣткѣ. Пользуется лишь особой популярностью нижеслѣдующій духовный стихъ, примѣненный къ разоренію Лаврентьевскаго монастыря близъ Гомеля.

„О разореніи Лаврентьева монастыря близъ Гомеля, сочиненіе“ ³⁾.

Боже, придоша времена до насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжище,
Нынѣ уже и тамъ нѣтъ убѣжища.
Разсыпаютъ насъ, разлучаютъ насъ,
Рады бѣ неразлучны итти за Кавказъ.
Не противимся Божіей воли,
Идемъ во своя мы поневоли.
Весь свѣтъ намъ отечество,
Гдѣ-бѣ не умирать,
Кто польстится на честь, гроба не миновать.

¹⁾ Ibid, стр. 49.

²⁾ Ibid., стр. 60.

По словамъ Д. А. Клеменца, сосланные вѣтковцы до настоящаго времени живутъ въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области въ с. Бичурѣ на р. Хилкѣ, а также на Чикоѣ.

³⁾ Списано мною съ рукописнаго листка, висѣвшаго на стѣнкѣ въ кельѣ „мастерицы“. Стихъ этотъ старообрядки поютъ въ посты; онъ отличается грустнымъ напѣвомъ.

Оставляемъ храмы пречюдна созданы,
Златомъ и серебромъ богато убраны.
За царя молити у поли будемъ,
Про житье свое во вѣкъ не забудемъ.
Пущай владѣють чюжимъ насильно,
Скоро судія воздасть обильно
Равенъ у него царь и воинъ
Богату и нищу судія едѣнь.
Ирьскія (Иргивскія?) воды въ море утекли,
Его жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близъ Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вполнѣ дана,
Араратъ гора и Аркасъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдній вѣка.
Каспійское море обливаетъ ихъ,
Песчанья степи засыпають ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождались мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ безъ всякой вины.
Мы власти повинuemся,
За обидящихъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ велій,
Мы будемъ въ молчаньи, вмѣсто громныхъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ быстрой Узѣ,
Но время быстрой сей нашей рѣки,
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ,
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, ави громъ гремѣлъ,
Соборъ разныхъ птицъ
Сладко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замогло и нѣтъ ничего,
Погибло, истлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть веселыя птицы!
Скоро улетайте за моря отъ насъ
Скажите за моремъ, что уже насъ тутъ нѣтъ;
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту,
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,
Летучія мыши и воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматриваетъ разныя примѣты...

Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ,
Онъ все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? Его не стало,
Какъ превратное время настало.
Коли жъ кто изволивъ Богови служить,
Не треба ему о себѣ тужить ¹⁾).

Старообрядческіе толки на Вѣткѣ.

Старообрядцы на Вѣткѣ принадлежали и принадлежать къ такъ называемому поповщинскому толку. Въ частности, громадное большинство представляетъ собою приѣмлющихъ православныхъ священниковъ, переходящихъ въ старообрядчество и подвергающихся при переходѣ помазанію мѣромъ въ знакъ своего отреченія отъ ереси. Незначительная часть, около двадцати дворовъ, принадлежать къ приѣмлющимъ австрійское или бѣлокриницкое священство.

Первые имѣютъ недавно выстроенную отличную молеельню въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Прежняя вѣтковская церковь сгорѣла въ 1846 г. во время большого пожара, причемъ иконостасъ былъ спасенъ. Сохранена была отъ пожара также колокольня, простоявшая лѣтъ двадцать пять, подъ которой долго собирались старообрядцы для моленій.

У бѣлокриничанъ молеельня помѣщается въ той же избѣ, гдѣ живетъ дьячекъ. Бѣлокриницкое духовенство вѣтковской молеельни держится замкнуто и недовѣрчиво относится къ постороннему наблюдателю.

У бѣглопоповцевъ въ настоящее время священника нѣтъ, подъяскиваютъ. Это обстоятельство, однако, не мѣшаетъ имъ устраивать продолжительныя богослуженія, пѣть и читать священное писаніе ²⁾).

До настоящаго времени Вѣтка пользуется большимъ почетомъ у старообрядцевъ. Изъ разныхъ мѣстъ наѣзжаютъ они сюда молиться и ставить „неугасимыя“. „Неугасимыя“ — непрестанное чтеніе кафизмъ за покойниковъ при зажженныхъ лампадахъ. „Неугасимая“ сорокадневная стоитъ 10 руб., годовая —

¹⁾ Последнія двѣ строки разнятся по языку и представляютъ, вѣроятно, позднѣйшую приписку.

²⁾ Наканунѣ праздникова всенощная длится отъ 4 час. пополудни до 10 вечера.

300 руб.; при этомъ каѳизмы читаются четырьмя чтецами попеременно; воскресенія и праздники при этомъ пропускаются, но наверстываются при этомъ по окончаніи опредѣленнаго срока.

Современное мѣстечко Вѣтка.

Отправившись изъ Гомеля на пароходѣ вверхъ по р. Сожѣ, черезъ два часа вы приѣдете въ Вѣтку. Сожъ течетъ очень извилисто по зеленымъ привольнымъ лугамъ. Кое-гдѣ на берегахъ ея очерчиваются значительной величины курганы. Вѣтка открывается взору какъ то неожиданно, съ хорошенькими домиками и частыми веселыми садиками, которые тянутся параллельно рѣкѣ. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ Вѣткѣ насчитывается 11 тысячъ населенія, изъ нихъ старообрядцевъ теперь только около двухъ тысячъ, большинство же населенія евреи. Старообрядцы живутъ на главной улицѣ, называемой монастырской, а также на Средней, Галѣевкѣ, Ивановкѣ, Худояровкѣ и Косецкой; лучшія улицы тѣ, на которыхъ живутъ старообрядцы. Дома строятъ они свѣтлые и просторные въ 3 и 5 оконъ, выходящихъ на улицу. Дворы обнесены высокими заборами, въ каждомъ дворѣ высокія, фундаментально сдѣланные ворота съ крышей и калиткой; кровли, ворота и заборы принято украшать разнообразной, иногда очень красивой, деревянной рѣзбой. На ночь окна закрываются наглухо плотными ставнями. За воротами около каждаго дома—вешанная въ землѣ скамейка, надъ которой большинство устраиваетъ маленькій навѣсъ, деревянный или желѣзный, чтобы можно было и въ дождь сидѣть за воротами. Внутри дома стѣны сплошь устанавляются иконами, передъ многими изъ нихъ горитъ лампадка, въ комнатахъ у зажиточныхъ вы можете насчитать до 10 лампадокъ,—сплошной иконостасъ.

Одежда.

Что касается одежды старообрядцевъ, то въ настоящее время она мало чѣмъ отличается отъ обычной одежды жителей русскихъ мѣстечекъ. Старики и уставщики, когда идутъ въ моленную, одѣваютъ широкіе и длинные халаты, а женщины покрываются длинными платками и скрѣпляютъ ихъ подъ

бородакомъ булавкой по монашески такъ, какъ на картинѣ Нестерова „Великій постригъ“. Въ нѣкоторыхъ домахъ до настоящаго времени хранятся богатѣйшіе старинные женскіе наряды; мнѣ, напр., случилось видѣть прекрасныя парчевыя кокошники съ свѣтлой жемчуга, спускавшейся на глаза, парчевыя лѣтники, бархатные или шелковые лѣтники съ золотой очень дорогой бахромой, такъ называемыя „азіятки“,—особаго рода сарафаны изъ дорогаго шелка; кисейныя рубахи, вышитыя тамбуромъ, шелковыя „обтегайки“, „холодайки“ (кофты), „душегрѣйки“, бархатныя съ золотымъ шитьемъ погонники, огромныя жемчужныя серьги, такъ называемыя „корзинки“, „малинки“, старинныя янтарныя серьги, т. н. „желудки“, мѣхонныя „жерелки“ (накидки) и т. п.

Промыслы. Народные обычаи.

Въ Вѣткѣ немало весьма зажиточныхъ старообрядцевъ, имѣющихъ собственныя парходы и берлины. Многіе занимаются сплавомъ лѣса, имѣютъ склады соли, идущей въ Черниговскую губернію. Нѣкоторые имѣютъ канатныя фабрики. Большинство находитъ себѣ заработокъ на разнаго рода отходныхъ промыслахъ, преимущественно на каменныхъ работахъ. Лѣтомъ вѣтковскіе старообрядцы разсыпаются въ разныя стороны, зарабатывая хлѣбъ на зиму. Осенью возвращаются домой и Вѣтка оживаетъ, начинаются веселыя попойки. Впрочемъ, казенная винная лавка здѣсь торгуетъ всегда какъ нельзя лучше, такъ какъ водеу охотно и часто пьютъ не только мужчины, но и женщины. При появленіи гостя, на хозяйскомъ столѣ немедленно появляется водка и закуска, начинается угощеніе. Пьютъ и приговариваютъ:

— Будимъ живы, здаровы, да Богу милы, а людямъ, и Богъ не угодить!

Слова: „чортъ не угодить“ произносить избѣгаютъ, потому что „онъ это любить, чтобъ его чортомъ называли, воввышается, радуется... Вотъ бѣсомъ ежели назвать, это ему не нравится“. Разохотившійся гость или гостья посылаетъ за полбутылкой на свой счетъ; прежде чѣмъ выпить, пьющій съ рюмкой въ рукѣ, обращается ко всѣмъ съ пожеланіемъ или просто съ ласковымъ словомъ:

— Игнатевна!

— Андревнушка! ¹⁾
— Анеимъ Ѳомичъ!
— Настинька!
— Ну, вушайте на доброе здорovie!
А тамъ смотришь, и пѣсню затянули:
Выпьемъ же мы да по рюмочкѣ,
Выпьемъ же мы да по полненькой,
Вѣкъ же нашъ дуже маленькой...

или:

Какъ намъ не пити, какъ не гуляти,
У нашей же хатѣ парадокъ и дети:
Павукъ на вагонцѣ аснову снуети,
А сучка на лычкѣ дворъ стережети... ²⁾

или:

И по рюмочкѣ и по чашечкѣ,
И по тому стакану,
Штобы стали на стану,
Штобъ милый не засталъ...
А мой миленькій застанеть,
Четвертиночку наставить!..

По вѣрованію старообрядцевъ, есть мученикъ (Нифантій), который специально помогаетъ отъ пьянства. Ему молятся такъ:
„О, св. мученикъ Нифантій! освободи отъ виннаго запоя...“

Х о р о в о д ы .

Свѣтскія пѣсни распространены больше среди молодежи. Да и молодежь избѣгаетъ ихъ пѣть въ посты; въ эти дни принято пѣть духовные стихи, образцы которыхъ приводятся ниже.

Весной дѣвушки и парни устраиваютъ веселые „карагоды“ (хороводы) и поютъ „карагодныя“ пѣсни, какъ, на примѣръ, —

Во лужвахъ, во лужвахъ
Во зеленыхъ во лужвахъ,
Ой ли, ой лю-ли ³⁾

¹⁾ Андреевна.

²⁾ Эта юмористическая пѣсенка заимствована старообрядцами у бѣлоруссовъ.

³⁾ Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Разливалась вода,
Разстилалась трава.
Какъ по той-ли по травѣ
Дѣвки водить карагодъ.
Всѣ дѣвочки хороши,
Красавицы пригожи.
Адна дѣвка лучи всѣхъ,
У приборѣ краши всѣхъ,
Въ касѣ лента шире всѣхъ,
На ней шубошка (?) алá
Душегрѣвочка красна,
Въ карагодъ гулять пошла.
Чьего рода, чьего рода?
Какъ да по имению назвать?
Мое имя Катерина,
Московскаво купца дочь.
Атайди малодичиѣ прочъ,
Гаварить съ тобой не въ мочь,
Приступаетъ темна ночь ¹⁾.

Дѣвешники. Свадьба.

Въ Вѣткѣ до настоящаго времени сохранился обычай передъ свадьбой устраивать *дѣвешники*. Когда порѣшати отдавать дѣвушку замужъ, то первымъ дѣломъ „Богу молятся“. Нѣкоторые при этомъ зовутъ священника и поютъ „Всецѣтую“. За нѣсколько дней до вѣнца въ домѣ родителей невесты бываетъ дѣвешникъ. Собираются дѣвушки, подружки невесты, и садятся за столъ. Приходятъ парни. Ставится угощеніе. Дѣвешникъ начинается такой пѣсней:

Зборщица, зборщица Еленушка,
Собрала подружекъ къ отцу во дворъ.
Посадила дѣвушекъ всѣхъ за столъ (2 раза),
А сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ.
— Отступитесь подруженьки!
Хочетъ меня тятенька дарити небольшимъ даромъ,
Сладкимъ яблочкомъ наливнымъ...

¹⁾ Другія „карагодныя“ пѣсни см. въ приложеніи.

Далѣ поють, напримѣръ, таѣя пѣсни:

Ушь и кто у насъ по саду прашель,
Ушь и кто у насъ по зеленому,
Ушь и кто у насъ добра коня правель,
Ушь и кто у насъ вароненькаво,
Мимо терема високенькаво.

А Прасковьюшка въ високемъ терему,
Михайловна у окошечко смотритъ.

Ты Прасковьюшка Михайловна,
Сойди съ терема високенькаво.

Перейми коня вороненькаво!

— Не сойду я съ високаго терема,

Не преиму тваво ворона коня,

Все за ту за грубость за твою,

За великую досадушку,

Что не ходишь во мой зеленъ садъ гулять,

Не садишься на тесовую кровать,

Не цалуешь, не милуешь ты меня,

На правую ручку спать не владешь.

Виноградъ въ саду растеть,

Виноградъ разцвѣтаитъ,

Ягода, ягода поспиваитъ.

Виноградъ,—то Елизаръ гаспадинъ,

Ягода, ягода то Семеновна.

Имъ же люди дивовалися

Харошіе, пригожіе поражалися.

Не дивитися, люди!

Сами сибѣ наровите,

Харашенько живите...

На другой день послѣ дѣвишника дѣвушки катаются по улицамъ „на кавалеровъ счетъ“. А какъ подъѣдутъ къ жениховой роднѣ, то поють:

А въ нашево свата

Некрытая хата.

Купимъ куль соломы,

Покроемъ хоромы

Съ лозы съ березы...

Всѣ мы тверезы.

Около свекра поютъ:

Стой зять за воротыи,
Укройся, закройся соблями, бобрами,
Боврами, бобрами,
Черными соболями,
Штобъ я не слыхала,
Какъ батюшка тужить,
Матушка гарюить.

По улицѣ ѣздючи:

Да по вишенью
Гѣлушка летала (2 раза).
Брылушки сбивала.
Да по крылушкамъ
Гѣлушка тужила.
Да на свѣтъ мае (?)
Брылушки сизые.
Да люли, люли, сизые.
Да по косыньѣ Степанидушка тужила,
Да по русой Ивановна тужила...

Послѣ вѣнчанья устраиваютъ вечеромъ званый вечеръ и молодые дарятъ гостей медовыми пряниками, являющимися непремѣнной принадлежностью старообрядческой свадьбы. Гости „отдариваютъ“ молодыхъ деньгами, зерномъ или домашней скотиной. Особыхъ обычаевъ, которыми такъ богаты свадьбы мажороссовъ и бѣлоруссовъ, на старообрядческихъ свадьбахъ не наблюдается.

Уставщики. Келейницы-мастерицы (наставницы).

Въ дѣлѣ храненія старинныхъ устоевъ, особое значеніе имѣютъ уставщики, всегда участвующіе въ богослуженіяхъ, а также келейницы. Уставщики не могутъ похвалиться книжной мудростью вообще; вся сила ихъ въ твердомъ знаніи церковнаго устава¹⁾. На богослуженія они обыкновенно присутствуютъ

¹⁾ Говоря о вѣтковскихъ старообрядцахъ я имѣю въ виду пріемлющихъ 6. православныхъ священниковъ; но и бѣлокриничане мало чѣмъ отличаются отъ нихъ.

въ длинныхъ халатахъ или казакинахъ и, конечно, съ лѣстовкой (четкой) въ рукахъ, большой лѣстовкой „улавщицкой“; лѣстовка является непремѣнной принадлежностью всѣхъ молящихся,—мужчинъ и женщинъ. Приготавливаются онѣ изъ кожи или изъ бисера; молящіеся перебираютъ пальцами сборки (бубочки) и шепчутъ молитвы; по объясненію уставщиковъ 4 сборки или бубочки означаютъ 4 евангелиста, 3—троицу, 12—апостоловъ, 40—столько недѣль царица небесная Христа носила, 30—столько лѣтъ Христосъ на землѣ жилъ и наконецъ, 17 бубочекъ означаютъ 17 ветхозавѣтныхъ пророковъ. Маленькія сборки перемежаются съ большими.

— Когда бубочка большая придетъ, говорятъ старобрядцы, то надо читать 3 Богородицы...

Особенно благочестивые люди, напримѣръ, келейницы, каждодневно на лѣстовкахъ все богослуженіе „правятъ“.

Въ келейницы посвящаютъ себя незамужнія дѣвушки, большею частью уже пожилыя, „христовы невѣсты“. Онѣ живутъ въ маленькихъ келейкахъ, б. ч. собственныхъ, многія изъ нихъ занимаются обученіемъ ребятишекъ часослову, псалтыри и письму церковнымъ уставомъ. Дѣти зовутъ своихъ учительницъ „мастерицами“, и это названіе утвердилось за ними, теперь ихъ такъ называютъ всѣ. Въ келейѣ мастерицы „благолѣпно“, стѣны почти сплошь уставлены иконами въ сіяющихъ ризахъ и увѣшаны листками съ душеполезными изреченіями, сильно накурено ладаномъ. Что позволено мірскому человѣку, то недопустимо келейнымъ.

— Мы келейные, наше дѣло особенно!—говорила мнѣ келейница Васильевна, упрашивая уничтожить ея фотографическій снимокъ. Дѣло въ томъ, что сначала было она „впала въ ересь“ и рѣшилась сняться, а потомъ одумалась...

Завѣтныя думы келейницъ достаточно ярко выражены въ слѣдующемъ ихъ любимомъ духовномъ стихѣ:

Умоляла мать родная ¹⁾

Свое милое дитя,

Предъ кончиною рыдала,

О судьбѣ его грустя!

— Распростись со мной навѣкъ

¹⁾ Стихъ списанъ мною въ Вѣткѣ съ старобрядческой рукописи, написанной уставомъ въ недавнее время.

Ненаглядный мой цвѣтокъ
Скоро будишь сиротою
Цвѣсть у доли одинокъ.
Мнѣ минута наступила
Тебѣ навѣкъ сповидать,
Скоро хладная могила
Разлучитъ съ тобою насъ.
Ты звѣзда моя денница
Не затми своей красы,
Не згуби себѣ, дѣвице,
Не плети ты двѣ васы. ¹⁾
Не смѣняй волю драгую
На превлестныя цвѣты;
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хоть небогата
И въ народѣ неславна,
Но какъ птичка ты крылата,
Безъ печали и вольна,
Не забудь того дѣвица:
Твой женихъ Земли Творецъ,
Вѣку будетъ тамъ граница,
Ты пойдешь съ нимъ подъ вѣнецъ.
Рай прекрасный на востокѣ,
Вѣчныхъ радостей страна
Незамѣчена въ пороки,
Будешь, дѣва, отдана.
Лучше царскихъ тамъ палатъ
Вертограды и сады,
Въ теремахъ чертоги златы,
Въ садахъ дивныя плоды.
Поля тамъ устланы цвѣтами,
Розы запахъ издають,
Рощи съ чудными древами,
Всегда ангелы поють.
И не будетъ тамъ печали
И веселію конца,
Всѣ угаснуть души страсти,
Но лишь радостный покой (?)
Радости текутъ тамъ рѣки (?)

¹⁾ Не выходи замужъ...

Струя воды чище хрустала (?)
Ты вселишься тамъ навѣки...
Мать послѣдней рассказала,
Ограда себя крестомъ,
На дѣвицу взглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ...
Не забыла дѣва слова,
Помнить матерній завѣтъ,
Безъ пристрастія земнова,
Жизнь безбрачною ведетъ.
Ты звѣзда моя денница,
Не затми своей красн.
Не сгуби себя, дѣвице,
Не плети ты двѣ касы!..

Богомоленія келейницы чередуютъ съ обученіемъ ребятишекъ. Въ ихъ небольшихъ церковныхъ школахъ обученіе носитъ исключительно церковный характеръ, изучаютъ часословъ, псалтырь, порядокъ богослуженія... Дѣти научаются довольно бѣгло читать по церковно-славянски, но никто никогда не объясняетъ имъ смысла читаемаго. Сами „мастерицы“, разбирая по-печатному, рѣдко умѣютъ подписать свою фамилію и отличаются крайней умственной неразвитостью. Энциклопедій знаній служатъ для нихъ рукописныя тетрадки, заключающія разные наивные вопросы и отвѣты вродѣ нижеслѣдующаго „разговора 3-хъ святителей“, списаннаго мною съ рукописи, принадлежащей вѣтковской келейницѣ. Рукопись написана уставомъ и озаглавлена такъ:

„Вопросы и отвѣты. Бесѣда трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста“. На заглавной страницѣ имѣется помѣтка „Написана сея книга въ мѣсто 1898, мѣс. февр. въ недѣлю 2, день десятый“. Изъ огромнаго числа вопросовъ и отвѣтовъ, содержащихся въ рукописи, приведемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе типичные, напоминающіе намъ „Голубиную книгу“.

Вопросъ. Что суть четыре розы на земли?

Отвѣтъ. То суть четыре евангелиста.

В. Что суть 4 восточнія высокопарніи орли едино яйцо снесли?

О. То есть 4 евангелиста едино евангеліе спесаше и святой церкви предаша, вѣрующимъ во Христа Бога нашего.

- В. Что суть амбомъ проти царскихъ вратъ?
О. То есть камень Гроба Господня.
- В. Что діаконъ на амбонѣ ектенію читатъ?
О. То проповѣдуетъ ангель Господень о воплощеніи слова Божія.
- В. Кто восхищенъ бысть до 3-го небеси?
О. Св. Апостоль Павелъ.
- В. Кто вниде въ рай прежде Христа?
О. Благоразумный разбойникъ, иже при крестѣ Господни былъ распятъ.
- В. Отъ какихъ частей сотвори Богъ перваго человѣка Адама?
О. Тѣло отъ земли, кровь отъ моря, кости отъ камене, теплота отъ огня, очи отъ солнца, мысли отъ облака, дыханіе отъ Св. Духа.
- В. Много ли составъ въ человѣкѣ?
О. 246.
- В. Много ли жилъ въ человѣкѣ?
О. 365.
- В. Много ли зубовъ въ человѣкѣ?
О. 32 зуба.
- В. Кто состарихся и въ мать свою вошелъ?
О. Адамъ отъ земли сотворенъ и въ землю вошелъ. Земля мать Адамова, Адамъ сынъ ея.
- В. Сколько Адамъ (про)жилъ на землѣ?
О. 930 лѣтъ и тогда умре въ Іерусалимѣ и погребенъ бысть во Ефросѣ.
- В. Что есть мой отецъ, тебѣ дѣдъ, а мнѣ мужъ, ты же менѣ братъ, а я тебѣ мать?
О. Лотъ праведный, братъ Авраамовъ, живый въ Содомѣ и Гоморѣ и не предадеся беззаконію ихъ. Однакожъ, отъ лукавыхъ дочерей своихъ не убѣжалъ, напоенъ бысть хмельнымъ квасомъ, и подеса съ ними блудно, и родишася отъ большія болгары, отъ средней сарацины, отъ меньшей агаряне.
- В. На какихъ сребренницехъ предаде Іюда Господа Нашего Іисуса Христа?
О. На тридесять сребренницехъ.
- В. Въ одномъ сребренникѣ волико литръ?
О. 61 (12) литръ.
- В. Что одна литра держать?
О. 60 рублей. Въ 30 сребренницехъ литръ 366.

- В. Сколько всего въ литрахъ денежнаго щоту?
О. Въ литрахъ по нашему по русскому рѣ (120) тысящъ рублей, а вѣсомъ тянетъ 100 пудъ.
В. Которое езеро езерямъ мати?
О. А ремень езеро, что взяло въ себѣ 303 рѣви.
В. Кое море морямъ мати?
О. Океанъ море морямъ великое, въ томъ океанѣ церковь папы римскаго.
В. Кая рыба рыбамъ мати?
О. Китъ рыба великая, что на тѣхъ рыбахъ основалъ Богъ землю, всю вселенную; во время пришествія оныя рыбы пойдутъ въ глубины морскія.
В. Отчего тѣ китъ-рыбы сыти бываютъ?
О. Емлютъ десятую часть райскаго благоуханія; оттого китъ-рыбы сыти бываютъ.
В. Кая птица птицамъ мати?
О. Лаврутъ птица птицамъ мати. Она невелика, — съ галочну (?). Живетъ то птица у теплово моря.
В. Отчего бываетъ громъ и молнія?
О. Есть два ангела громныхъ и два молнихъ и т. д.

Г о в о р ъ.

Г л а с н ы я.

Говоръ вѣтковскихъ старообрядцевъ принадлежитъ къ числу агающихъ говоровъ.

Вмѣсто О произносится А, тамъ гдѣ о не стоитъ подъ удареніемъ, напр.—

„харошему вездѣ харашо, а плахой удрухъ лишантса жизни сваей“. „Жизнія какъ вална перимѣняется“.

А иногда замѣняетъ собою ъ, напр.,

„распатаю“ (распытаю).

О остается подъ удареніемъ неизмѣннымъ:

плотють, бронитса, бронить, подьлты
но разумъ, равный и т. п. остается безъ измѣненія.

О замѣняется ъ: „этій годъ“.

О замѣняется также у: Богуродица, Гусподь, винувата.

У иногда замѣняетъ собою и, — мужуки (мужики).

У замѣняетъ собою в: удова (вдова), унукъ (внукъ), укусъ (вкусъ).

И замѣняется *Е*: *втой-то? свая!*

Е замѣняется *Ю*: *наплювать (наплевать).*

Замѣна звуковъ Е, Ъ, Я,—свѣтой провозносится *свитой*, пятнадцать—*пнтнадцатъ*, слеза—*слиза*, гнѣздо—*инздо*, рѣка—*рика*. *Вмѣсто Е, Ъ, употребляется Я*: *лѣниться*, *блѣпы* отъ *моху* берутся, *сосѣди* подсялились, *легли* весело,—*встали* разсвѣло; такія дѣлишки въ нашемъ гарадишѣ.

Наоборотъ,—*вмѣсто Я встрѣчается Е*,—*у мене* (у меня) *веза* (взяла), *месной* (мясной), *петно* (пятно), послѣ *ж, ш*, встрѣчается *А* вмѣсто *Е*—*жана*, *шастой*.

Согласныя.

Г провозносится по-украински, то есть какъ латинское *h* одинаково въ словахъ *гора*, *пога*, *дуга*, *туго*, *городъ*, *горохъ*, также какъ въ словахъ *Бога*, *Господь*. Букву *ѣ* въ окончаніи родительнаго над. мѣстоименій и прилагательныхъ провозносятъ: *тавѣ*, *дѣбраво*, *слѣпѣва*, *моевѣ*, *нашево* и т. д.

Хороводъ—провозносятъ *карагодъ*.

Звуки Ж, Ш. *Вмѣсто ж иногда провозносятъ В*, напр. *жемчуѣ* (жемчугъ), *зябры* (жабры).

Вмѣсто С провозносятъ Ш: *шворлуна*, *шабля*.

Ч вмѣсто *Ц* и наоборотъ никогда не провозносится.

Иногда *тѣ* замѣняетъ собою *ч*,—*„жанить ти (чи) замуѣ выдавать“*.

ш замѣняетъ собою *ч*, напр., *подрушникъ* (подручникъ).

Дождь провозносится *дожь*.

Приставка гласной,—*упорядокъ* (порядокъ).

Приставка согласной—*угуоль* (уголь).

Отпаденіе согласной,—*колько* (сколько), *„мине колько при-мшамъ“*.

Множественное число существительныхъ: *глазы* (глаза).

Предлож. пад. сущ.,—*у мѣсь* (въ лѣсу).

Перемѣщеніе ударенія,—*не работѣютъ*.

Неопред. наклоненіе,—*бѣчь* (бѣжать).

Окончаніе глагола 3 л. мн. ч.,—*жалять, ходять, носить*.

Родительный падежъ употребляется вмѣсто дательнаго: *„что будетъ козы, когда ей минеть 7-мой годъ?“*

Сказуемое выражается дѣепричастіемъ, вмѣсто прошедшаго времени на л,—*„самоваръ закипѣвши“*.

Въ говорѣ вѣтвовскихъ старообрядцевъ нерѣдко встрѣчаются малорусскія и бѣлорусскіе слова, заимствованныя ими очевидно у окрестнаго населенія, таковы, на примѣръ, — *хвороба* (болѣзнь), *ачинить* (отворить), *жинка* (жена), *доси* (до сихъ поръ), *луста хлѣба* (большой кусокъ хлѣба), *попытайте* (спросите), *слушай* (слушай) и т. д.

Образцы мѣстнаго говора.

„Гдѣ влядѣба, тамъ и приступленіе“. „Отъ хорошаго телеша, такъ и щепка хараша“. „Кума пѣши, — каню легчи“. „Сомъ животрепящій“ (животрепещущій). „Навармилъ панъ смалой, — и чехонка (рыба) не вушается“. „Что-й-то такое-ча?“ (что это такое?)

Про кошку говорятъ: „ана праворная, можетъ и на камушку дастать (пищу себѣ)“.

„На чужой старонушкѣ павланись и варонушкѣ“.

„Выпитый (пьяный) былъ, да палезалъ на сырой землѣ, землѣ, вотъ ему и здѣлалось“.

„Тетя, дай хлѣба!“ — „Не стыдно тибѣ, статуи такой! на нялся бы на бярлину!..“

„Собака лантъ, а панъ ѣдитъ“.

Мать рассказываетъ о ребенкѣ: „Встанеть утромъ, и сейчасъ: — „я не хочу Богу молиться, у мнѣя галовка балить!“ — „Мались“ — отвѣчаю — читай три Богуродицы: и за матку, и за батьку, и за себя!“ такъ она молится, — не молится на Бога, а на смаваръ“.

„Когда менинники бывають, то пѣраги присалають“.

„Лыбенята“ (лебедята). „Дитинята“ (дѣти). „Помилуй насъ грѣшныхъ и женъ сердешныхъ“. „Два сердца — одинъ духъ, два голуба — одинъ слухъ“. „Кто тамотва?“ „Фатажинъ“ (кесосинъ). „Въ мою дѣбу“ (подобно мнѣ). „Вѣдють лошадями“ (на лошадахъ). „Шутной“ (шутникъ).

З а к л ю ч е н і е.

Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдахъ. Это видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго холячаго выраженія, которымъ по-дразнивають старообрядцевъ:

— Зарѣжь, тятка, хохла,—говорить будто бы сынъ отцу,—я посмотрю, какъ онъ будетъ трепыхаться!..

Въ настоящее время вѣтковскіе старообрядцы показались намъ людьми привѣтливыми и обходительными, но очень консервативными.

Иногда на улицѣ и на базарѣ вы услышите между подвыпившими старообрядцами (а таковые встрѣчаются весьма часто) необычайно свирѣпую ругань, не употребляемую въ печати; за исключеніемъ подобныхъ случаевъ, ихъ обращеніе другъ съ другомъ и съ посторонними людьми весьма дружелюбно. Кромѣ обычныхъ пожеланій, свойственныхъ русскому человѣку, вы услышите отъ нихъ привѣтствія и пожеланія довольно своеобразныя. Когда застаютъ человѣка на молитвѣ, говорятъ:

— Ангелъ вамъ на молитву!

— Спаси Христосъ!—отвѣчаетъ другой.

Если обѣдаютъ:

— Ангелъ вамъ за трапезу!

— Спаси Христосъ. Жалуйте въ намъ!..

Религиозные обычаи и обряды, ежеминутное опасеніе не впасть во искушеніе,—наполняютъ всю жизнь старообрядца; поэтому особой популярностью пользуются „молитвы Кипріяновы“, противъ бѣсовскаго навожденія; ихъ списываютъ на листы и заучиваютъ наизусть. Къ новшествамъ попрежнему относятся опасливо. Нѣкоторые, правда, немногіе, (преимущественно женщины), считаютъ, напр., предосудительнымъ позволить себя фотографировать.

— Зачѣмъ сыматься,—говорили они,—еще грѣха на душу хватитъ!.. Раньше естава ничаво не знали и хлѣба больша было!..

Въ другой разъ, увидѣвъ, что я фотографирую молодежь, водившую хороводъ, старообрядка-старуха разразилась бранью и грозила пойти и сказать „патреотамъ“... Нужно замѣтить, что въ настоящій моментъ населеніе Вѣтки дѣлится на два лагера,—на „патреотовъ“ и „демократовъ“. Старики и зажиточные старообрядцы состоятъ въ „патреотахъ“ и нѣкоторые изъ нихъ даже получаютъ „Русское Знамя“. Впрочемъ, болѣе толковые изъ нихъ уже прониклись сознаніемъ, что та относительная свобода религіи, которой они пользуются въ настоящее время, завоевана не безъ содѣйствія „демократовъ“. Къ инородцамъ и въ частности къ евреямъ, старообрядцы относятся терпимо. Въ 1905 г. въ старообрядческой слободѣ Святской, Черниговской губ. велась усиленная черносотенная

агитація, закончившаяся еврейскимъ погромомъ. Въ настоящее время, какъ приходилось наблюдать пишущему эти строки, слобожане стыдятся этого позорнаго дѣла и жалѣютъ, что не остановили шайбъ громилъ.

— Канфузно намъ теперь это дѣло, — говорили старообрядцы, — нехарашо... Застоятъ (защитить) нада було! А то въ синагогу ихнюю пошли, заповѣди порѣзали. Нехарашо...

Переселившись въ бѣлорусскіе лѣса, старообрядцы въ теченіе 200 лѣтъ бережно хранятъ свои старинные устои, хранятъ вмѣстѣ съ пшеницей и плевелы. Наряду съ цѣнными свойствами народнаго характера приходится наблюдать досадные пережитки, которые могутъ быть разсѣяны исключительно только свѣтомъ знанія.

Къ сожалѣнію, любознательный, живой умъ старообрядческихъ дѣтей вмѣсто знаній принужденъ воспринимать окаменѣлыя суррогаты, вродѣ упомянутой выше „бесѣды трехъ святителей“. *Невъжество*, впрочемъ, такое зло, отъ котораго страдаетъ не одна какая-либо группа населенія, оно врагъ всей Россіи...

Изъ Абрамовъ.

М. Воронежъ, Черниговск. губ.

Приложеніе

ВЪ СТАТЬѢ „СТАРООБРЯДЦЫ НА ВѢТКѢ“.

Пѣсни ¹⁾).

„Карагодная“.

У барина хараша была жена,

У въ лакея личши биринавой.

„Да давай лакей (2 раза)

Помѣняемъ на жену“.

„Ахъ не хочу, баринъ (2 р.),

Твоя жена часто въ гости ходитъ,

А моя жена, — она съ дому никуда!“

— „Да дуракъ лакей (2 р.)

У салдаты отдамъ“.

— „У салдаты пайду (2 р.)

Жену съ сабой вазьму“.

¹⁾ Записаны мною въ Вѣткѣ. И. А.

„Карагодная“.

Какъ усѣмъ царямъ служба явлена.
Ой ли, ой люли,
Маему дружку давно сказано,
Ему впередъ иттить,
Большой карагодъ водить,
Себѣ дѣвку выбрать.
Ой-ли, ой лю-ли,
Дѣвчоначку бравую
Бѣлую, румяную,
За рученьку правую.
„Ты жъ милая мая,
Уся волюшка твая,
Ты же заложь, заложь меня,
Купи ворона коня.
Какъ выпойшь, выбормишь,
Меня молодца выручишь“.
Какъ усѣ царя
Са войны пришли;
Моево дружка ево и въ завѣтъ нѣтъ;
Только конь бѣжить,
На лошади знакъ лежить,—
Шляпочка пуховая,
А въ шляпочкѣ еловай (?) платокъ.
Мнѣ жъ не жаль платка,
Что платочекъ носится,
Только жаль дружка,
Что съ мной водится,
Что съ мной водится,
А со мной молодой здорится“.

„Карагодная.“

Хажу я гуляю удоль карагоду,
Занька сѣренъкій,
Сматрю, выбираю на всему народу.
Нашель же, выбралъ багатаго тестя.
Хажу я гуляю удоль карагоду
Занька сѣренъкій...
Сматрю выбираю харошую тещу.
Нашель же я выбралъ...
Хажу я гуляю и т. д.

Себѣ выбираю маладого шурина.
Нашелъ... и т. д.
Хажу я... и т. д.
Сматрю выбираю
Хорошу своячню и т. д.
Хажу я гуляю и т. д.
Харошу невѣсту...
Жилѣю, милѣю,
Семь разъ поцалую.
Хажу я гуляю по всему карагоду,
Зову, зазываю всѣхъ людей на свадьбу,—
Пожалуйте, люди,
Всѣ ко мнѣ на свадьбу,
А въ мине на свадьбѣ
Пива вина много,
Хлѣба, соли тожа.
Я жъ напивши пива,
Сваво теста въ рыло,
Са таво же хмѣлю,
Сваво тещу въ шею.
А ты маладой шуринѣ
Сѣдлай добра коня,
Сѣвзжай съ двора скоро.
А маладой своячинѣ подарю подарочекъ,
Шелвавый платочикъ.
Ахъ веселъ я веселъ,
Что я одинъ остался
Съ молодой невѣстой.
Жилѣю, милѣю, семь разъ поцалую...

На дѣвишникѣ поють:

А чія въ поле жито не жато (2 р.)
Не жато жито Елизарово,
Не жато жито Ивановича.
Посылають Марьюшку жито жать.
— „Не могу, сударь, головушку поднять,
Со головушки бѣло лицо горить,
Со бѣла лица вся не могу“.
— „Марьюшка! тебѣ въ гости завутъ,
Сидоровна, тебѣ въ гости завутъ!“

— „Сейчасъ, моя радость, соберусь,
Сама пайду, тибѣ въ домѣ насажу,
Заставлю работу работать,
Ужъ и первая работушка для тебѣ
Выгоняй съ огорода лебедень,
А вторая работушка для тебѣ—
Поставь самоваръ для мене,
Ужъ и третья работушка для тебѣ—
Сустрѣнь среди двора меня,
Называй меня душечкою,
Ужъ ты душечка, Марьюшка,
Ужъ ты душечка Сидоровна!..“

Разныя наиболѣе распространенныя пѣсни.

И билъ меня мужъ,
Колотилъ меня мужъ,
Ой же палочкою,
Да й со скалочкою.
Коханочка моя мамочка,
За што про што долго сердилъся?

Ишла Машенька съ дыбровки,
Разчерныя Маши бровки
Со мной говорятъ.
Пастушка дружка просила:
„Сударь пастушоеъ,
Сударь, сударь пастушочикъ,
Сударь миленькій дружочикъ,
Не сповинь меня!“
„Ахъ ни сповину я сиротину
При шировой при долини
Во лужкахъ адну.
Ахъ, во лужкахъ адну...“
Въ лужкахъ Машинька гуляла,
За ракитовъ вустъ запала,
Пуцай милъ прайдетъ,
Ахъ, пуцай милъ прайдетъ.
Въ Маши сердце не стерпѣло—

Громкимъ голосомъ кричала:
„Я, миленькій, здѣсь!“
Мальчикъ голосу върадовался,
За равитовъ кустъ бросался
Началъ цаловать.
Онъ цалуитъ и милуитъ
Машею заветъ.
Ужъ ты, Машенька черноброва,
Пачему любишь инова?
Потому люблю инова,
Што даруитъ всево много,
А ты ничево.

Окончивши битву, паѣхалъ дамой,
Паѣхалъ дамой въ атеческій домъ.
Атець сына сустрѣчаетъ
Середъ же пути.
— Здравовъ сынъ да любезнай,
Съ пріѣздомъ тибя!
— Здравовъ, мой да папаша,
Чи жива твая семья?
— Предъ твоимъ пріѣздомъ
Случилась бѣда (2 р.) небольшая,—
Жина сына радилъ.
Сынъ атцу да не молвилъ,
Залился слезми и заплакалъ,
Паѣхалъ дамой
Въ атеческій домъ.
Мать сына сустрѣчаетъ
Съ иконой святой,
Жина маладая съ гарючей слезой.
Мать сына прасила:
— Прасти, сынъ, жинѣ,—
Жина маладая малютку радилъ.
— Мать мая радная,
Не прашу жинѣ,
Погибла гречанка (?)
Погибла любовь.
Остался малютка
Навѣкъ сиратой.

Съ тебя снимуть кафтанъ,
Съ меня синій сарафанъ.
Тебя къ войту поведуть,
Меня къ старостѣ,
Тебя кнудомъ будутъ свѣчь,
Меня розочкою.

Распространены среди старообрядцевъ и нѣкоторыя „книжныя“ пѣсни, какъ на примѣръ:

„Ужъ ты вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь“ и т. д.

Или:

„Не брани меня, родная,
Что люблю я такъ ево,
Скушно было дорогая,
Жить одной мнѣ безъ него“, и т. д.

Духовные стихи ¹⁾.

Изъ пустыни старецъ.

Изъ пустыни старецъ въ царскій домъ приходитъ.
Онъ принесъ съ собою, онъ привезъ съ собою
Прекрасный камень драгій.

Иосафъ царевичъ спросилъ Варлаама:

— „Покажи сей камень. Сей камень я увижу,
Познаю цѣну его!“

— „Удобѣя ты можешь солнце рукою взять,
А сего не можешь, а сего не можешь опѣнвити
Во вся вѣки безъ конца.

Родила сей камень Пречистая Дѣва,
Положенъ во ясли, положенъ во ясли
И являлся прежде пастухомъ“.

— „А купецъ премудрый, скажи, скажи мнѣ всю тайну,
Какъ на свѣтъ явился, какъ на свѣтъ явился,
И гдѣ пребываетъ камень тотъ?“

¹⁾ Списаны мною съ рукописей, полученныхъ отъ вѣтковскихъ келейницъ. И. А.

— „Той нынѣ пребываетъ выше звѣздъ небесныхъ,
Солнца со звѣздами,
А земля съ морями безпрестанно славятъ завсегда“.
Остался царевичъ безъ Варлаама,
Сталъ плакать, навсегда сталъ плавать:
— „Не хочу я пребывать безъ старца;
Оставляю царство, во пустыню жить пойду,
Взыщу Варлаама, взыщу.
И я буду свѣтозаренъ отъ него,
И я ему буду служить вѣчно, какъ отцу“.
Сказала пустыня отроку младому:
— „Горько во мнѣ жити, горько во мнѣ жити,
Всегда быти во молитвѣ и въ постѣ!“
Иосафъ царевичъ: „Какъ тебѣ угодно,
Такъ я буду жити...
Всегда нынѣ присно и вовеки вѣковъ.“ Аминь.

«Стихъ—заключенному.»

Поздно, поздно вечеромъ,
Утихнетъ весь народъ,
Усыплется небо звѣздами,
Необъятный неба сводъ.
Тутъ въ безмолвіи глубокомъ
И унылой тишинѣ,
Въ заключеніи жестокомъ,
Запертой на единѣ
Узникъ тяжело вдыхаетъ,
За полночь сидя безъ сна
И пѣснь прощальну припѣваетъ,
У тюремнаго окна:
Вѣтры буйны, полетите
Въ мой любимой и родной (?)
Вѣсть отъ меня отнесите,
Что случилось здѣсь со мной.
Пусть друзья мои узнаютъ,
Мнѣ чреда пришла страдать
И меня пусть не ожидаютъ
Въ край любимой никогда.
День тотъ вѣчно не настанетъ,
Что въ народѣ быть мнѣ,

Жизнь моя въ грустяхъ завянетъ
Въ чужой племенной странѣ.
Въ пиръ веселой разъ собрались
Наши ближніе друзья
И собравшись утѣшались,
Въ той бесѣдѣ былъ и я.
Забывъ горя и печали,
Все сидѣли ввечеру,
Часы быстро пролетали,
Но я мраченъ былъ въ пиру,
Что то грусть mine смущала,
Горьбой духъ мной обладалъ,
Буря въ сердцѣ волновалась,
А отчего, я самъ не зналъ.
Скоро жъ таинство открылось:
Этотъ пиръ несчастной былъ,
Не напрасно сердце билось,
Воли онъ mine лишилъ,
Въ влѣтку съ крѣпкими стѣнами
Запертъ былъ, посаженъ за рѣшотками (?)
И замками, грозной стражей окруженъ.
Кромѣ неба голубого
Ничего не видать мнѣ было,
Или штыкъ часового
Просверкаетъ мнѣ въ окно;
Какъ еще ударъ печальной
Надо мною будетъ разъ:
Отошлютъ mine въ край дальней
На изгнаніе въ Кавкасъ.
Прикуютъ мою свободу
Ко Болванскимъ горамъ,
Всѣхъ лишать друзей и роду,
Заключать навѣчно тамъ.
Пусть mine съ родными разлучаютъ,
Развели насъ навсегда,
Позабыть я ихъ не въ силахъ,
Не могу я никогда.
Не плачьте рѣдныя за мною,
Нидолго намъ грустить,
Все окончится съ могилой,
Мы тамъ будимъ вѣчно жить.
Мы тамъ будимъ жить вѣчно,

Безъ счету, безъ конца,
И будутъ безпрестанно веселиться наши сердца.
Ни долинь минѣ жаль цвѣтущихъ
Въ русской родинѣ моей,
Ни долинь, ни ручьевъ текущихъ,
Сель прасивыхъ и полей,—
Какъ остался садъ прекрасный,
Гдѣ бывало я гуляль,
Все но немъ грустно ужасно
Какъ бы садъ тотъ не увяль!..

„Стихъ унылой“.

Какъ уныло занимають
Томный тонъ стройныхъ пѣвцовъ,
Звать родного провожаютъ
Спать въ долинь средь гробовъ.
Скоро ль, долго ли съ землею
Всѣ сравняться не минемъ,
Можить завтра жа зарю
Я усну такимъ жа сномъ,
Можить также погребальный
Тонъ раздастся нада мной,
Павтарится стихъ пращальный
Со святыми упакой,
И никто маи радные
Ни поплачють нада мной
И на гробъ руки чужія
Кинуть горсть земли сырой,
И сердешнаво риданья
Вѣкъ ни будетъ нада мной,
Изъ радныхъ ни будить знать,
Въ дни обычны поминанья
Вѣкъ ни будутъ посѣщать.
Развѣ странники унылы
Только сядуть пагрустнѣть;
Или это при пагребеньи
Сердцемъ къ Богу воздохнетъ,
И въ душевномъ умиленьи,
Слезу теплую пральеть,
Или развѣ мимоходомъ

Кто изъ странниковъ зайдетъ.
И уставши на зеленомъ
Дерни сядетъ отдохнуть
И вздрогнувшия (?) душею
О усопшемъ воздохнетъ.
И никто, друзья бывше,
Ни вспоманетъ аба мнѣ.
Погрустятъ ман радные
Тамъ, въ далекай старанѣ...

Возврънія убѣгавшихъ въ пустыню старообрядцевъ достаточно ярко выражены въ нижеслѣдующемъ стихѣ, списанномъ мною съ рукописи, писанной уставомъ, принадлежащей вѣтковской келейницѣ: „Бахисизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псалма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами“.

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный.
Солнце угаси лучи свѣтлые
И свѣтъ свой не яви на лицѣ земли.
Поздно съ вечера въ часы дневные
Наступила тьма несвѣтимая.
По пророчеству Даниілову
Станетъ мерзость запустѣнія
На святемъ мѣстѣ,
Во церквахъ святыхъ.
Въ тысящи шесть сотъ
Шестидесять шестой
Антихристъ возмути всю вселенную.
Отнялъ благолѣпіе церковное,
Издалъ же свою печать мерзую.
Вмѣсто Христова Креста—крыжъ латынскій,
За святныя иконы—картины.
Обладали святыми мѣстами вмѣсто учителей—злие мучители,
Издали свое лжи-ученіе—вмѣсто святыхъ поученій;
За крещеніе—обливаніе; вмѣсто ладону табакъ мерзскую.
Въ знаменіе креста двоеперстнаго,
Щепоть гнусную троеперстную;
За благолѣпіе—брадобритіе;

Возлюбили тьму, ненавидимъ свѣтъ.
Никонъ лютый и съ поборники
Потребилъ книги старописмены,
Издаль же свои—новоумыслены,
На погибель душамъ христіанскимъ,
Да увязнуть въ сѣть въ неизбѣжную,
Да наполненъ будетъ адъ вселютый
Тьма кромѣшная, огонь геенскій.
Никонъ лютый и способники
Вовдвиге гоненіе великое,
На содержателей благочестія и пресвѣтлаго правовѣрія.
Погубилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей:
Павла, епископа Коломенскаго,
Царскаго отца духовнаго архимандрита Никанора;
Разорилъ обитель киновію соловецкихъ чудотворцевъ;
Погналъ вѣру христіанскую въ темны лѣса и пустыню;
Истребилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей;
Запустѣли церкви безъ учителей,
Разогналъ овецъ по лицу земли,
Наполненъ овцами востокъ и западъ,
Югъ и сѣверъ и вся концы,
Пожалъ ишеницу не созрѣлую,
Уморилъ вѣрныхъ безъ причастія.
Пришли ко овцамъ злыя волки,
Губятъ вѣрныхъ пожератели.
Лютые бѣгуны и предатели,
Кровопійцы и ругатели;
Вземлютъ съ нищихъ за крещеніе,
Грабятъ съ больныхъ сиротъ за причастіе.
Оле (?) увы, горе, православіи,
Горько и люто бысть сиротами.
Нѣтъ уже прежнихъ нашихъ вѣрныхъ пастырей
Кои душъ своихъ не щадили,
За Христову вѣру положили,
Преставились наши патріархи,
Скрылись съ глазъ нашихъ цари и князи!
О горе, братіе, въ сіе время,
Аще помяну благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Когда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло блисталъ чинъ священный,
То не можно быть безъ рыданія,

И безъ горькаго въздыханія!
Помолимся мы къ Вышему Творцу,
Да подасть намъ вѣрныхъ пастырей,
Отогнати отъ насъ злые волки,
Лжи учителя и мучители,
Патріарха Никона ученики,
Лицемѣры хищные ехидники.
И чего еще хотимъ ожидать,
Посредѣ мира долго пребывать.
Уже жизнь наша скончается,
А день судный приближается.

Сей стихъ сочиненъ о разореніи соловецкихъ чудотворцевъ
и киновій¹⁾.

Какъ въ насъ въ Москвѣ было на базарѣ,
Переборъ былъ бодромъ,
Пересмотръ воеводамъ.
Выбирали большову воеводу Салтыкова
Монастырь разоряти Зосимы, Савватія.
Соловецкихъ чудотворцевъ.
Какъ промолвилъ воевода:
— Не мое, государь, дѣло
Монастырь разоряти,
Благочестіе поupati,
Христіанъ убивати,
Господа Бога прогнѣвати!
Разгнѣвался, распалился
Государь царь на воеводу.
Приказалъ приступити къ дѣлу
Воеводѣ иному,
Мещеринову лютому.
И собрали козаковъ четыре десять тысяць,
И приказалъ царь козакамъ
Садитя въ легкія судны
И плыти по синему морю.

¹⁾ На уставной рукописи этого стиха есть пометка, что въ 1875 г. мѣ-
саца декабря его писала (списывала?) нѣкая Ольга Широчинкова. Значи-
тельно отличающій вариантъ находимъ у г. Маркова „Бѣломорскія Былины“
1901 г., стр. 470.

И сѣдѣли воезѣи на легкія судны,
И поплыли съ Мещериновымъ
Вдоль по синему морю.
И преплыли воезѣи
Ко острову большому
И къ монастырю святому.
Какъ увидѣли старцы,
Стали врата затворяти,
И рѣшетками задвигати,
Желтымъ пескомъ засыпати;
И сказалъ воевода:
— „Вы не бойтеса, старцы,
По обѣщанію мы къ вамъ приплыли,
Молебны служить,
За царя Бога молити!“
Собиралися старцы въ соборную церковь
Молебны служить,
Милости у Бога просити,
И другъ съ другомъ прощались.
Единъ злоумысленный старецъ
Вышелъ изъ соборной церкви
И отверзъ Мещеринову ворота,
И предалъ неповинныхъ на смерть
Соловецкихъ чудотворцевъ.
И понудилъ воевода соловецкихъ чудотворцевъ
Къ новымъ книгамъ приступити
По нихъ службы совершати.
Святія же имъ сказали:
— „Лучше смерть намъ получить,
Какъ намъ вѣры отступити“.
И въ томъ часѣ порубили
Соловецкихъ чудотворцевъ.
Съ Москвы почта прибѣжала:
— „Не рубите, не губите
Соловецкихъ чудотворцевъ!
А въ насъ въ Москвѣ есть несчастье,—
Государя царя не стало.“